

ИЯШЕ
РОЖДЕСТВО
РАССКАЗЫ,
ОЧЕРКИ,
ВОСПОМИНАНИЯ

УДК 82-32
ББК 94.3
Н37

*Допущено к распространению Издательским советом
Русской Православной Церкви ИС Р17-714-0550*

Н37 **Наше Рождество.** Рассказы, очерки, воспоминания. —
М.: РИПОЛ классик. — 304 с. — (Рождество приходит
к нам).

Когда мороз рисует на окнах волшебные узоры, на дорожках загадочно блестит снег, а улицы наряжаются в яркие гирлянды, люди празднуют самые светлые и чудесные праздники — Рождество и Новый год. В эти дни особенно хочется порадовать родных и близких приятными подарками!

Разделите с великими писателями самые теплые и яркие воспоминания и впечатления о Рождестве!

УДК 82-32
ББК 94.3

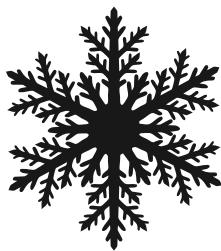
ISBN 978-5-519-64808-0

© Издание, оформление.
ООО Группа Компаний
«РИПОЛ классик», 2017

К.П. Победоносцев

Рождество Христово

Рождество Христово и святая Пасха — праздники, по преимуществу, детские, и в них как будто исполняется сила слов Христовых: «Аще не будете яко дети, не имате внити в Царствие Божие». Прочие праздники не столь доступны детскому разумению, и любезны для детей более по внешней обстановке, нежели по внутреннему значению...

Однако же и из двух названных больших праздников — дитя скорее поймет и примет простым чувством Рождество Христово.

Как счастлив ребенок, которому удавалось слышать от благочестивой матери простые рассказы о Рождестве Христа Спасителя! Как счастлива и мать, которая, рассказывая святую и трогательную повесть, встречала живое любопытство и сочувствие в своем ребенке, и сама слышала от него вопросы, в коих детская фантазия так любит разыгрываться, и, вдохновляясь этими вопросами, спешила передавать своему дитяти собственное благочестивое чувство. Для детского воображения так много привлекательного в этом рассказе.

Тихая ночь над полями палестинскими — уединенный вертеп — ясли, обставленные теми домашними животными, которые знакомы ребенку по первым впечатлениям памяти, — в яслях повитый Младенец и над Ним кроткая, любящая Мать с задумчивым взором и с ясною улыбкой материнского счастья — три великолепных царя, идущих за звездою к убогому вертепу с дарами — и вдали на поле пастухи посреди своего стада, внимающие радостной вести Ангела и таинственному хору сил небесных. Потом злодей Ирод, преследующий невинного Младенца; избиение младенцев в Вифлееме — потом путешествие Святого семейства в Египет — сколько во всем этом жизни и действия, сколько интереса для ребенка!

Старая и никогда не стареющая повесть! Как она была привлекательна для детского слуха, и как скоро сживалось с нею детское понятие! Оттого-то, лишь только приведешь себе на память эту простую повесть, воскресает в душе целый мир, воскресает все давно прошедшее детство с его обстановкою, со всеми лицами, окружавшими его, со всеми радостями его, возвращается в душу то же таинственное ожидание чего-то, которое всегда бывало перед праздником. Что было бы с нами, если бы не было в жизни таких минут детского восторга!

Таков вечер перед Рождеством: вернулся я от всенощной и сижу дома в той же комнате, в которой прошло все мое детство; на том же месте, где стояла колыбель моя, потом моя детская постелька, — сто-

ит теперь мое кресло перед письменным столом. Вот окно, у которого сиживала старуха няня и уговаривала ложиться спать, тогда как спать не хотелось, потому что в душе было волнение — ожидание чего-то радостного, чего-то торжественного на утро. То не было ожидание подарков — нет, — чуялось душе точно, что завтра будет день необыкновенный, светлый, радостный, и что-то великое совершаться будет. Бывало, ляжешь, а колокол разбудит тебя перед зарей, и няня, вставшая, чтобы идти в церковь, опять должна уговаривать ребенка, чтобы заснуть.

Боже! Это же ожидание детских дней ощущаю я в себе и теперь... Как все во мне тихо, как все во мне торжественно! Как все во мне дышит чувством прежних лет, — и с какою духовною алчностью ожидаю я торжественного утра. Это чувство — драгоценнейший дар неба, посыпаемый среди мирского шума и суety взрослым людям, чтобы они живо вспомнили то время, когда были детьми, следовательно, были ближе к Богу и непосредственнее, чем когда-либо, принимали от Него жизнь, свет, день, пищу, радость, любовь — и все, чем красен для человека мир Божий.

Но это ожидание — радости великой и великого торжества — у ребенка никогда не обманывалось. У ребенка минута ожидания так сливалась с минутою наслаждения и удовлетворения, что не было возможности уловить переход или середину. Ребенок просыпался утром — и непременно находил то, о чем думал вечером, встречал наяву то, о чем говорили ему детские сны: существенность для ребенка —

не то же ли, что сон; сон его не то же ли, что существо? Ребенок утром просыпался окруженный теми же благами жизни детской, которые бессознательно принимал каждый день, — только, освещенные праздничным светом, лица, его окружавшие, были веселее, ласки живее, игры одушевленнее. Чего же более для ребенка? Ребенок не жалел на утро о том, чего ожидал вечером: как было бессознательно вчерашнее ожидание, так и утреннее наслаждение было бессознательно...

О великая таинственная ночь! О, светлое, торжественное утро! Если забуду тебя, если останусь равнодушен к тебе, если перестану слышать те речи и словеса, коих гласы слышатся в тебе всякой душе верующей, — стало быть, я забуду свое детство, свою жизнь и самую вечность... ибо что иное вечность блаженная, как не вечная радость младенца перед лицом Божиим!

Н.А. Полевой

Святочные рассказы

